

Совершенство и свобода

Н.М. Чуринов – д.ф.н., профессор КрасГАУ им. Решетнева

Посвящаю президенту Белоруссии, одному из выдающихся вождей современного славянства, глубокоуважаемому Александру Григорьевичу Лукашенко

В настоящей статье автор анализирует политические и экономические неудачи России, особенно неудачи последних полутора десятков лет. По его мнению, теоретизирование в области экономики, философии политики и права и т. п. может быть только тогда успешным и удовлетворительным, когда теория разворачивается на основе глубокого понимания типа общества, специфики свойственных ему социальной детерминации, единства теории и практики, устройства общественной жизни и т. д., учитывает эту специфику. Автор выдвигает концепцию, что в массе современного научного знания различимы преимущества двух проектов науки, каждый из которых имеет свои основания, свои стандарты и свои версии единства теоретического и исторического.

Ключевые слова: экономическое творчество, идея верховенства светской власти, комплекс теорий, западная политология, неудачи России, «Два проекта науки», «Технология и тектология», «Индивидуалистический и коллективистский типы общества», «Русский проект», исконная стратегия социального познания.

Key words: economic creativity, the idea of the rule of secular authority, complex theories, Western political science, the failure of Russia, "Two of the project of a science", "Technology and technology", "Individualistic and collectivistic types of the company", "Russian project"the strategy of social cognition.

Введение

Мне бесконечно близка мысль великого белоруса Франциска Скорины: «А быхом яко зеркало... перед очима имеюще в добрых делех и в любви Отчины,

не толико же мы и мужи наследовали, и всякого тружания и скарбов для посполитого доброго и для Отчины своея не лютовали. Понеже от прирождения звери, ходящие в пустыни, знают ямы своя, птицы, летающие по воздуху, ведают гнезда своя, рыбы, плавающие по морю и в реках, чуют виры своя, пчелы и тым подобная боро-нять ульев своих, також и люди, и где зродилися и ускормлены суть по Бозе, - ктому месту великую ласку имають».

Я не берусь переводить слова белорусского гения на современный русский язык, поскольку специалисты сделают это лучше меня.

Эта статья задумана на «пепелище» традиционного отечественного обществознания. Постепенно люди собираются вокруг наследия своих древних Учителей, подобно тому, как они собираются вокруг печных труб, оставшихся от сел и городов после изгнания с родной земли ненавистных захватчиков. Пала не имевшая своего теоретического «хребта» «История КПСС»; пал раздавленный силой эклектики «Научный коммунизм»; загнан в безвестный угол «плюральности» осыпaeмый насмешками «Диалектический материализм» («Марксистско-ленинская философия»), обрела свое место среди западных теорий экономическая теория К. Маркса и т. д. [5].

Пройдут годы, но ученым все равно придется ответить на вопросы: почему рухнула, словно подкошенная, могущественная советская власть; почему народ, знающий, что такое пассионарность, не встал на защиту райкомов КПСС; почему иные правоверные коммунисты в одночасье превратились в антикоммунистов; почему КПСС, располагая беспримерным идеологическим аппаратом, не смогла научно, в том числе и теоретически, защитить себя, и, более того, сами идеологи ее ныне нередко выступают как враги партии; почему оказалось так легко оклеветать КПСС и обесценить ее завоевания и т.д.?

Безусловно, встанет вопрос: почему в конце восьмидесятых годов, когда возникла проблема реформирования народного хозяйства, отечественная экономическая наука, возвращенная на перепевах работ Маркса, Энгельса и Ленина, а затем - на компиляции западных первоисточников, не смогла

предложить для новой реформаторской идеологии, для создания реалистических программ реформирования ничего вразумительного, отчетливого и конструктивного? Почему отечественные ученые-экономисты, историки КПСС, специалисты по научному коммунизму в мгновение ока предстали как парии от науки, заметались, замешкались, «потеряли голову»? Почему вместо того чтобы в трудный час верно служить Отечеству на своем научном поприще, они принялись разрушать нравственные, политические, идеологические, экономические устои страны вместе с ее врагами, авантюристами и провокаторами?

Еще предстоит понять, почему политическая теория - политология, в течение многих веков разрабатываемая на Западе и адекватная «западной цивилизации», стала столь безоглядно навязываться нашему самобытному обществу? (Не против ли этого возвышал свой праведный голос еще Александр Николаевич Радищев?) Во имя чего теоретические идеи в экономической сфере, развертываемые со времен дискуссии между иосифлянами и нестяжателями, идеи Ивана Тихоновича Посошкова и т. д., были цинично отвергнуты, и теперь отечественное «экономическое мышление» оказалось прочно «пригвожденным» к западным экономическим теоретическим моделям?

Почему экономическое творчество современников не восходит более к идеалам Савватия, Германа и Зосимы Соловецких? Отметим, что святой Савватий был учеником гениального Кирилла Белозерского. В свою очередь, учителем святого Кирилла был великий Сергей Радонежский. Не перспективными ли экономическими идеалами соловецких святых, вознамерившихся на далеких северных островах в Белом море создать райское место, вдохновлялся дальновидный исследователь, глава иосифлян Иосиф Волоцкий? Ведь непосредственно у святого Савватия Соловецкого ученичествовал учитель святого Иосифа, преподобный Геннадий Новгородский. Задуманное святым Савватием райское место было создано. Соловки, как пишет современный ученый Г. К. Вагнер, «...имели свою сверхгероическую историю, включающую и возведение монахами циклопических построек, и восстание

монахов, и создание уникального хозяйства со сложнейшей системой каналов и с культивированием южной флоры». Дело здесь, пожалуй, не в «сверхгероизме», а в том, что святой Савватий верил в созидательную мощь русского человека, во всесторонней обоснованности создания «уникального хозяйства» на Соловецких островах, в глубине экономической мысли святого первой половины XV века. И, тем не менее, во имя чего ныне было опорочено «экономическое мышление» «Измарагда» (XIV век) и «Домостроя» (конец XV - начало XVI века), «Назирателя» (XVI век) и т. д. резко изменили пути развития Отечества. Задаются такими вопросами и недоброжелатели России, и уже дают на них ответы тенденциозные, преследующие далеко идущие, часто одиозные цели. Вновь витийствуют знатоки «России, которой не было», «России, которую мы потеряли», «знатоки» Великой Отечественной войны, которую выиграл наш народ, якобы «завалив врагов трупами русских солдат»; под видом пропагандистов «своей» точки зрения состязаются различного рода «гении», «живые классики», крикливые биографы, комментаторы и прочие любимцы врагов нашего Отечества. Все более распоясываются «служители демократии», «общечеловеческих ценностей» и «нового мышления». По этим причинам сегодня необходимо сформулировать хотя бы предварительные концепции, позволяющие найти подходы к ответам на упомянутые вопросы. И первой нашей победой должна стать, как во времена святого Сергия Радонежского, победа теоретическая и идеологическая [6].

И на этом пути мы встречаемся с целым рядом, казалось бы, совершенно ясных соображений. Речь идет, в частности, о стандартах научности, стандартах рациональности, стандартах естественности, о методологических стандартах, о моделях мира, проектах науки и т. п.; о философском «молчании» древнерусских мыслителей, о времени «ученичества» русских философов в XVIII веке; о теоретическом плюрализме в политологии, культурологии и философии; о тоталитаризме, о «диктатуре закона» в жизни общества и т. п. Сегодня кажутся прописными истины о правовом государстве, о гражданском обществе и т. д. Кажется, что у их последователей уже давно пропало желание

поставить перед собой задачу изучить идею соборности. И, тем не менее, мы примем именно эту идею, поданную нам нашими древними Учителями, поскольку на Руси в идеалах соборности была развернута античная диалектика, аристотелевская теория развития, аристотелевская модель мира, аристотелевский основной принцип познания (принцип совершенства), аристотелевский проект науки. Отсюда в трудах древних русских философов идеалы соборности предстали, во-первых, как характеристики совершенства общественных отношений, их гармоничности, продиктованные заветом добродетели и любви к ближнему своему; во-вторых, как характеристики всеобщей связи общественных явлений (впоследствии диалектика будет определена как наука о всеобщей связи).

Предметом особого интереса предстанут идея верховенства светской власти над властью духовной, идея верховенства духовной власти над светской в их известном западном прочтении и скрытом для абсолютного большинства современников древнем тезисе о гармонии властей [6]. Если для западных исследователей идея верховенства светской власти над властью духовной и идея верховенства духовной власти над властью светской интерпретировались в первую очередь как соперничество духовенства и светских правителей, то для древних отечественных исследователей центральной была идея соборной власти и соборного единства властей, она определялась как концепция достижения совершенства, единства социальных норм, гармонии и красоты общественных отношений, как указание, откуда должна исходить инициатива достижения социального взаимопонимания, социального согласия, как рефлексия того понимания, какими социальными институтами и на каких принципах должно осуществляться это единство и т. д.

Особую тревогу вызывает то обстоятельство, что сейчас в России вновь «продвинут» комплекс теорий, заведомо чуждых типу общества нашей страны. Особенно это касается системы высшего образования, где практически господствуют западная политология, многообразие западных экономических, психологических и культурологических школ, пестрота западного

философского схемотворчества и т. д. Создается впечатление, что российское обществоведение не сделало никаких выводов из поражений предшествующего гуманитарного цикла.

Следует отметить, что в течение последних десятилетий и даже столетий в отечественном естествознании и обществознании глубоко укрепилась, дала существенные научные и практические результаты европейская система теоретизирования. На ее стандартах воспитывались и самоутверждались многие поколения ученых, добившихся на этом пути блестящих, мирового (и даже судьбоносного для ряда наук) значения результатов. И это происходило до тех пор, пока не выяснилось, что сложившаяся система познания дала миру науку, ставшую соучастницей покорения природы и общества, ввергнувшего человечество в пучину глобальных проблем. Причем абсурдность современного научного мышления состоит в том, что разрешение этих (глобальных) проблем мыслится в контексте того же, по сути обанкротившегося, проекта науки, который и привел к возникновению и разворачиванию этих проблем.

Приговором данному (европейскому) проекту науки предстают решения Конференции ООН на уровне глав правительств и государств, проведенной в Рио-де-Жанейро 12 июня 1992 года. Она была посвящена защите окружающей среды и развитию цивилизации. Там же сформулирована концепция устойчивого развития общества, иногда, впрочем, понимаемая как концепция выживания западного мира за счет Востока, за счет России, за счет Юга и т. д. Тем не менее, решения конференции раскрывают комплекс негативных последствий для человечества от реализации либеральных программ в мировом хозяйстве, от либеральных притязаний и вызванных ими социальных конфликтов регионального, межконтинентального и глобального уровня. Возникла необходимость создания и реализации программ, не вполне или даже полностью не укладывающихся в систему западной науки.

Результаты конференции, не укладывающиеся в систему западного проекта науки, чрезвычайно актуализируют поиски спасительного проекта

науки, альтернативного господствующей ныне версии. На пути этих поисков перед нами предстают во всем их многообещающем содержании аристотелевская модель мира, аристотелевский (соответствующий данной модели) проект науки, творческое наследие византийских философов - Отцов церкви, древнерусских философов, в целом древнеславянских мыслителей. К сожалению, все их творчество представлено в современной духовной жизни общества крайне неудовлетворительно. Оно мало изучено и почти не доступно для изучения. Героическое сопротивление древнерусского философствования западной идеологической экспансии продолжалось несколько веков, до сих пор оно мало кем понято и тем более по достоинству оценено, оно еще подлежит реабилитации утратившими бдительность современниками, попавшими в горнило национальной катастрофы. Ведь именно древнерусское философствование дольше всех отстаивало аристотелевские твердыни в научном познании. Все древние русские мыслители были православными философами. Защита ими аристотелевской теории развития, социологии, политической теории, его модели мира имела специфически религиозную форму: форму борьбы с еретичеством, борьбы по предотвращению государственных смут, форму духовного отпора насилию иноплеменников. Народ высоко оценил их заслуги, назвав их своими святыми, помещая их изображения в состав церковных иконостасов наряду с образами византийских подвижников-философов и царственных обитателей небес.

Отметим, что героизм и подвижничество русского воинства общеизвестны, хотя любимцы врагов нашего Отечества, осыпаемые наградами, премиями, званиями, «всемирными похвалами» и «признаниями», много навредили и здесь. Они, назвавшие себя «правозащитниками», «диссидентами», «борцами с тоталитаризмом», «узниками совести» и т.д., сделали немало, чтобы опорочить светлое имя русского воина; они стяжали немало «заслуг» на почве плутовских «придумок» и измышлений о пресловутых заградотрядах, о «массовых предательствах», о «невежественных» красных командирах, о «кровожадности» Жукова и Сталина и т. д. Однако о героизме и

подвижничестве служителей русского духа, древнерусской идеологии, философии известно гораздо меньше. Более того, их имена заблаговременно очернены, фельетонизированы. Предстоит преодолеть еще немало препятствий, пересилить многие противодействия на пути возвращения народу имен и творений древнерусских философов. Особой задачей современных исследователей является задача расшифровки и постижения сущности системы древнего традиционного теоретизирования, познания того, в каком качестве предстают в их трудах онтология и диалектика, учение о всеобщей связи явлений, о рациональности и естественности. Несомненно, что наука об обществе в России обогатится их знанием о соотношении образа и прообраза, о различных типах общественных институтов и способах их формирования, о социальных проектах и т. д. Например, общеизвестно, что великий князь Московский Дмитрий Донской пришел просить благословения на свой ратный подвиг у преподобного Сергия Радонежского. Но важно понять, мощью каких социальных институтов было продиктовано данное деяние великого князя, на чем основано влияние этих социальных институтов, какое развитие получило представление об этих институтах в трудах, подвигах, в социальных проектах, например, Нила Сорского (нестяжательство) и Иосифа Волоцкого (иосифлянство). Подобная постановка вопроса требует отличного от сложившихся стереотипов взгляда по поводу дискуссии между представителями иосифлянства и нестяжательства в XV веке. Приведем еще один пример. В свое время отечественные обществоведы горячо обсуждали проблематику, касающуюся соотношения буржуазной и социалистической демократии. Затем представителями «нового мышления» было констатировано (и они, в принципе, были недалеко от истины), что речь может быть только о том, есть демократия или нет. И теперь в современном официальном обществоведении России господствуют теоретики-западники. Анализируя политические и экономические неудачи России, особенно неудачи последних полутора десятков лет, они утверждают, что природа этих неудач кроется в том, что правители страны, идущие по пути строительства правового государства, рыночной экономики и т. д., непоследовательны в своих решениях, не исполняют те или иные

предписания, недостаточно наглы и напористы, не создают необходимых механизмов исполнения законов, недостаточно быстро и активно укрепляют законодательную базу страны под те или иные прожекты. И их последним доводом является процветание и благополучие Запада. Эти теоретики как посредственные ученики, предъявляя последний довод, осуждают все, что расходится с западными теоретическими схемами. А между тем последний довод требует особого анализа.

Во-первых, благополучие и процветание Запада свидетельствуют о том, что Запад нашел теоретическую базу своего процветания и благополучия. И эта теоретическая база соответствует стандартам западной цивилизации, типу западного общества. Данная теоретическая база подобна доброму семени, дающему желаемые всходы в благоприятных условиях. Во-вторых, последний довод силен не настолько, чтобы безоглядно копировать западное, чтобы пренебречь теоретической базой, соответствующей отличным от западных условиям, отличной от Запада цивилизации, отличному от западного типу общества, отличному от западного способу производства общественной жизни и т. д. В-третьих, последний довод в своей мере необходим для анализа типов процветания и благополучия и для выяснения того, какое место может быть отведено тому или иному типу процветания и благополучия на планете, поскольку понятно, что потребительский тип процветания и благополучия сталкивается с ограниченными возможностями планеты: чем более возрастают потребности, тем меньшее количество людей на их удовлетворение могут рассчитывать. В-четвертых, последний довод не может быть формой оправдания средств и методов, при помощи которых процветание и благополучие было достигнуто, игнорирования вызванных данным достижением социальных и иных последствий. В-пятых, последний довод не может быть доводом в пользу авантюризма, он не может быть феноменом, замещающим научное познание, художественное, религиозное познание мира. И, следовательно, он не может идти вразрез с актуальными для данного типа общества стандартами познания, проектом науки и т. д.

По-видимому, теоретизирование в области экономики, философии политики и права и т. п. может быть только тогда успешным и удовлетворительным, когда теория разворачивается на основе глубокого понимания типа общества, специфики свойственных ему социальной детерминации, единства теории и практики, устройства общественной жизни и т. д., учитывает эту специфику. И только на этом уровне понимания правомерно добродетельное «состязание» теоретических моделей, подобно тому как «пересиливали» друг друга теоретические модели святых Нила Сорского и Иосифа Волоцкого, нестяжателей и иосифлян. Мы полагаем, что именно на этом рубеже возникают ныне многие теоретические недоразумения, внимание прогрессивных российских исследователей все более привлекает исконное славянское теоретизирование, сугубо отечественный тезаурус: «естествоповелительность», «соборность», «иго», «правда», «стройность», «нестроение», «любовь», «казнь» (в значении «приведение к покаянию») и т. д. Некоторые из этих понятий устарели, поскольку в свое время не получили необходимого развития; значения некоторых из них замещены западными значениями или редуцированы к западным значениям. А между тем, например, соотношение понятий «стройность» и «нестроение» как характеристика совершенства и до сих пор является более точным, чем соотношение современных понятий «негэнтропия» и «энтропия». Очевидно, указанный тезаурус предназначался для раскрытия аристотелевской космической модели мира и ориентированного на эту модель проекта науки, для развертывания положения о гармонии, единстве властей и т. д. Следовательно, современное отечественное теоретизирование должно осуществляться с учетом древней традиции, с учетом многовекового опыта русской, славянской познавательной деятельности. У славян есть все основания считать, что их древними учителями завещан путь познания, соответствующий ныне становлению коллективистского информационного общества, его информационной цивилизации и информационной культуры. Основная концепция работы состоит в том, что в массе современного научного знания различимы преимущества двух проектов науки, каждый из которых имеет свои

основания, свои стандарты и свои версии единства теоретического и исторического.

В первом разделе - «Два проекта науки» - раскрывается сущность двух проектов науки (изначально диалектического и изначально софистского). Первый проект науки соответствует тезису «Мир познаваем», а второй - тезису «Мир не познаваем». Казалось бы, естественным и единственно возможным является проект, признающий возможность познания мира. Однако исторически сложилось так, что господствующее место в науке занял проект, построенный на основании положения о непознаваемости мира. К сожалению, философы-марксисты традиционно не принимали всерьез агностицизм и софистику и тем самым закрыли себе дорогу, во-первых, к объективному анализу западной системы теоретизирования, а во-вторых, реально стали апологетами эклектического метода в науке, в том числе и в социальном познании.

Во втором разделе - «Технология и тектология» - рассматриваются предпосылки различения двух типов созидания, раскрытия оснований для установления адекватности системы теоретизирования определенному типу созидания. Показано, что понятия «коллективизм» и «индивидуализм» в каждой из основных систем теоретизирования выполняют специфические функции. В диалектической системе теоретизирования данные понятия функционируют как образы действительности, а в метафизической системе теоретизирования - как теоретические фикции, которые репрезентируют действительность или, напротив, которые репрезентирует действительность.

В третьем разделе - «Индивидуалистический и коллективистский типы общества» - отдается дань многовековой традиции различения типов общества, получившей определенное завершение в различении индивидуалистического и коллективистического типов общества, показывается специфика их научно-теоретического и научно-исторического освещения. Мы полагаем, что марксистское пренебрежение исследовательской традицией различения двух данных типов общества повлекло за собой некритическое восприятие тех

отечественных и западных социальных теорий, которые наиболее разработаны, и неразличение тех, которые адекватны тому или иному типу общества. Отсюда вавилонское столпотворение в научном познании, к которому марксистское теоретизирование имеет прямое отношение, не могло не завершиться бесславным финалом и разбитыми надеждами на спасительную миссию науки. В данном разделе доказывается, что каждому типу общества соответствует свой проект социального познания и проект науки, разворачивается древняя концепция положительного и отрицательного вклада в социальную энтропию, основные состояния общества, основные стандарты его социальности, стандарты теоретизирования и т. д.

В четвертом разделе книги - «Русский проект» - показана исконная стратегия социального познания. Общество России рассматривается как традиционно коллективистское общество, по наследству от Византии и Древней Греции получившее диалектический вариант познания человеческого мира. В этом разделе особое значение придается негэнтропийному принципу информационной реальности, понимаемому как теоретическое развитие негэнтропийного принципа информации Л. Бриллюэна. На основе негэнтропийного принципа информационной реальности раскрываются перспективы развития методологии социальной философии, политологии, культурологии, экономической теории и т. д. При этом исходным теоретическим основанием данного принципа принимается аристотелевское представление о полноте и законченности совершенства. Если предмет выступает как нечто несовершенное, то это является основанием для реализации антиэнтропийного процесса, отрицательного вклада в его энтропию, восполнения его несовершенства.

Литература:

1. Бердяев Н.А. «Философия свободы. Истоки и смысл русского коммунизма» – М, 1997.

2. Ленин В. И. О социалистической демократии. М.: Полит. лит., 1977.
3. Ласинскас П. «Лев Карсавин. Универсальная личность в контекстах европейской культуры». — М.: Изд-во Ипполитова, 2011.
4. Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В. И. О демократии. М.: Полит, лит., 1988.
5. «Советская демократия в период развитого социализма». М.: Мысль, 1976.